

DOI 10.15826/izv2.2018.20.2.022

УДК 94(470:7)“1943/1947” + 94(519) +
+ 327.2

Д. А. Садаков

Вятский государственный университет
Киров, Россия

**ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ И РЕЗУЛЬТАТЫ
СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В ПРОЦЕССЕ КОРЕЙСКОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ
В 1943–1947 гг.***

Статья посвящена истории советско-американских отношений по корейскому вопросу в период их развития в формате двусторонних переговоров (1943–1947). Цель работы — охарактеризовать содержание и принципы организации диалога Москвы и Вашингтона по корейскому вопросу в годы Второй мировой войны и в период послевоенного урегулирования, а также выявить, как результаты этого взаимодействия повлияли на судьбу Кореи.

В статье анализируется содержание диалога Москвы и Вашингтона на Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференциях, освещается процесс принятия решений по Корее на Московском совещании министров иностранных дел 1945 г., рассматривается работа Совместной советско-американской комиссии, исследуются вопросы взаимодействия между советской и американской оккупационными зонами на полуострове.

Источниковая база исследования — опубликованные и неопубликованные документы дипломатических ведомств СССР и США (в том числе материалы Архива внешней политики Министерства иностранных дел Российской Федерации, интернет-архивов), рассекреченные материалы ЦРУ, воспоминания и мемуары ряда ключевых действующих лиц.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что фиксирование раскола Кореи на два независимых и враждебных друг другу государства в 1948 г. произошло вопреки изначальным устремлениям сверхдержав, однако стало логичным итогом процесса корейского урегулирования. После освобождения Кореи СССР и США так и не сумели построить эффективное сотрудничество в сложных внутрисполитических условиях полуострова. В конечном итоге в Вашингтоне было принято решение встать на путь, ведущий к реализации принципиально нового сценария, который предусматривал формирование самостоятельного южнокорейского государства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Корея; СССР; США; И. Сталин; Ф. Рузвельт; Г. Трумэн; Совместная советско-американская комиссия; Московское совещание министров иностранных дел.

Ц и т и р о в а н и е: Садаков Д. А. Принципы организации и результаты советско-американского взаимодействия в процессе корейского урегулирования

* Статья подготовлена в рамках Гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ РФ, НШ-9803.2016.6.

© Садаков Д. А., 2018

в 1943–1947 гг. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2018. Т. 20. № 2 (175). С. 23–37.

Поступила в редакцию 05.12.2017

Принята к печати 18.04.2018

Denis A. Sadakov

*Vyatka State University,
Kirov, Russia*

US-SOVIET DIALOGUE ON THE KOREAN SETTLEMENT IN 1943–1947: BASIC PRINCIPLES AND RESULTS

This article considers the history of Soviet-American relations on the Korean issue in the period of their development in the format of bilateral negotiations (1943–1947). The author aims to characterise the content and principles of the organisation of the dialogue between Moscow and Washington on the Korean issue during World War II and the postwar settlement, and to reveal the influence of this interaction on the fate of Korea.

The author analyses the content of the dialogue between Moscow and Washington at the Tehran, Yalta and Potsdam conferences, describes the decision-making process on Korea at the Moscow meeting of foreign ministers in 1945, and examines the work of the Joint Soviet-American Commission, and the interaction between the Soviet and American occupation zones on the peninsula.

The analysis is carried out with reference to published and unpublished documents of the diplomatic departments of the USSR and the US (including materials of the Foreign Policy Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, and Internet archives), declassified CIA materials, and memoirs of political establishment members.

The research allows the author to conclude that the fixation of the Korean division in 1948 occurred despite the original aspirations of the superpowers, but it became a logical outcome of the Korean settlement process. After the liberation of Korea, the USSR and the United States failed to build effective cooperation in the complex internal political conditions of the peninsula. In the end, Washington decided to choose the path that led to the implementation of a fundamentally new scenario, i.e. the formation of an independent South Korean state.

Key words: Korea; USSR; USA; J. Stalin; F. Roosevelt; H. Truman; Joint Soviet-American Commission; 1945 Moscow Conference.

Acknowledgements

This work is supported by the Grant of the President of the Russian Federation for the State Support of Leading Academic Schools IIII-9803.2016.6.

Citation: Sadakov, D. A. (2018). Printsipy organizatsii i rezul'taty sovetsko-amerikanskogo vzaimodeistviia v protsesse koreiskogo uregulirovaniia v 1943–1947 gg. [US-Soviet Dialogue on the Korean Settlement in 1943–1947: Basic Principles and Results]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 20, 2 (175), 23–37.

Submitted on 05 December, 2017

Accepted on 18 April, 2018

Проблема разделенности Корейского полуострова на два государства остается одной из самых острых в современных международных отношениях. Ядерная и ракетная программы КНДР, милитаризация полуострова, растущий разрыв между уровнем развития Севера и Юга — все эти явления стали вызовами для существующего мирового порядка и несут в себе угрозу для политической стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Современное состояние корейского вопроса во многом обусловлено итогами Второй мировой войны. Сегодня в мировой политике набирает силу тренд, направленный на пересмотр итогов послевоенного урегулирования, особенно в той их части, где были зафиксированы преимущественные интересы СССР. При этом нередко игнорируется тот факт, что США играли активную роль в разработке и принятии всего комплекса документов послевоенного урегулирования. В рамках данной статьи анализируются динамика, содержание и итоги советско-американского диалога по корейскому вопросу в годы Второй мировой войны и в период послевоенного урегулирования.

Формат обсуждения корейского вопроса в годы Второй мировой войны был определен США, рассматривавшими Корею как второстепенное направление. В среде американского внешнеполитического истеблишмента было распространено мнение, что корейцы представляют собой бедный, политически неопытный и экономически зависимый народ, которому необходима помощь извне для формирования государственности [Matray, 1985, p. 8–9].

Исходя из этого, в период подготовки к Каирской конференции 1943 г. президент США Ф. Рузвельт предложил использовать свою концепцию опеки [подробнее см.: Юнгблюд, Садаков] в качестве базового для судьбы Кореи сценария. Его идея заключалась в том, что созданию единого и независимого корейского государства должен предшествовать подготовительный период, в течение которого ответственность за подготовку корейского народа к независимости возьмут на себя заинтересованные великие державы. Этот подход гарантировал соблюдение интересов Великобритании и СССР, а также отвечал целям Китая.

В рамках диалога США — СССР корейский вопрос был впервые поднят на Тегеранской конференции. И. В. Сталин согласился с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем, что Корея должна стать независимой [FRUS, 1943, Conferences at Cairo and Tehran, p. 566; Юнгблюд, с. 169–170]. Однако Москву в тот момент больше интересовали европейские дела. Показательными были слова советского генерального консула в Сеуле А. Полянского, который сообщил заведующему 2-м дальневосточным отделом Д. А. Жукову, что до ноября 1944 г. НКВД фактически не интересовался работой консульства [АВПРФ, ф. 0102, оп. 1, п. 1, д. 2, л. 1].

Судьбоносные для Корейского полуострова решения были приняты на Ялтинской конференции (4–11 февраля 1945 г.). На ней было согласовано вступление СССР в войну против Японии спустя два-три месяца после окончания боевых действий в Европе. Американцев беспокоило, какие именно государства будут вести военные операции на территории Корейского полуострова, а также состав участников послевоенной опеки над корейским государством.

США учитывали, что и СССР, и Китай имеют особые интересы в Корее, а ее оккупация одной державой может привести к серьезным политическим последствиям для всего региона [FRUS, 1945, Conferences at Malta and Yalta, p. 359].

8 февраля состоялась встреча Ф. Рузвельта и И. В. Сталина, во время которой президент затронул вопрос опеки над Кореей. Советский лидер спросил: «Не будет ли это протекторатом» [Ванин, с. 11]. Более того, как вспоминал Дж. Форрестол (министр ВМС США в 1944–1947 гг.), Сталин усомнился в целесообразности опеки, если корейцы сумеют самостоятельно сформировать «удовлетворительное правительство» [Forrestal, p. 56]. Президент заявил, что корейцам необходима помощь в управлении страной в течение 20–30 лет, на что советский руководитель предложил сократить продолжительность опеки до минимума [Советский Союз на международных конференциях..., с. 131].

Таким образом, с самого начала взаимодействия с США по корейскому вопросу СССР отдавал инициативу по разработке конкретных предложений в руки американцев. И. В. Сталин предпочитал не вступать в конфронтацию с американским президентом по малозначимой для обоих корейской проблеме. Специфика советского подхода давала американцам простор для политических махинаций после того, как пост президента США занял Г. Трумэн 12 апреля 1945 г.

Лишенный рузвельтовского идеализма Трумэн, несмотря на свои антиколониальные воззрения [Pifer, p. 57], увязывал корейский вопрос, в первую очередь, с общей стратегией США в войне против Японии [Matray, 1998, p. 151]. Весной 1945 г. советники президента настаивали на важности вступления СССР в войну на Тихом океане [Truman, vol. 1, p. 265]. В мае 1945 г. Трумэн направил Гопкинса в Москву для переговоров со Сталиным. Посланник американского президента озвучил предложение об организации четырехсторонней опеки над Кореей сроком на 25 лет. Сталин одобрил это предложение [FRUS, 1945, The Conference of Berlin, vol. 1, p. 47], но дальше соглашения о намерениях в этом пункте дело не пошло.

К началу Потсдамской конференции (17 июля — 2 августа 1945 г.) американцы еще не успели выработать проект послевоенного устройства Кореи [Ibid., p. 313], ограничившись формулированием основных принципов, основанных на идее многосторонней опеки.

В этот период в Вашингтоне стали крепнуть подозрения по поводу намерений Москвы играть руководящую роль в корейских делах [Ibid.]. В меморандуме, подготовленном в окружении посла США в СССР А. Гарримана в июле 1945 г. высказывалось предположение, что Москва стремится создать «кордон безопасности», включающий в себя Маньчжурию, Синьцзян, Внутреннюю Монголию и Корею [Батюк, Евстафьев, с. 36]. С течением времени подобные опасения укреплялись — с точки зрения американцев об этом свидетельствовало стремление И. В. Сталина не допустить долговременную оккупацию Кореи иностранными войсками, а также слухи о подготовке на советском Дальнем Востоке одной-двух дивизий, состоящих из этнических корейцев, для захвата контроля над страной. Министр обороны США Стимсон называл сложившееся положение «польским

вопросом, перенесенным на Дальний Восток» [FRUS, 1945, The Conference of Berlin, vol. 2, p. 631]. В ходе подготовки к Потсдамской конференции американцы утвердились в желании организовать административное управление полуостровом, которое позволило бы избежать возникновения здесь вакуума силы [Bok-gyong Shin, p. 182]. Более того, Вашингтон стремился добиться того, чтобы в деле строительства нового корейского государства «Советский Союз обладал лишь номинальным голосом» [FRUS, 1945, The Conference of Berlin, vol. 1, p. 313].

Амбиции американцев в Корее в значительной степени были ограничены их военными возможностями. Однако 16 июля 1945 г. произошло успешное испытание атомной бомбы. С этого момента Трумэн начал терять интерес к вступлению СССР в войну на Тихом океане [Matray, 1998, p. 153].

Обмен мнениями по корейскому вопросу на Потсдамской конференции произошел 22 июля. Вопреки ожиданиям союзников, опасавшихся проявления намерений Москвы единолично контролировать Корею, Сталин настаивал на скорейшем введении опеки [FRUS, 1945, The Conference of Berlin, vol. 1, p. 260]. Однако британцы и американцы единым фронтом выступили против обсуждения вопроса об опеке, за исключением проблемы будущего итальянских колоний [Ibid., p. 604]. В результате, на конференции были обговорены лишь военные аспекты взаимодействия на Дальнем Востоке [Ibid., p. 351]. Такой результат рассматривался в военно-политических кругах США как поражение Сталина. В своих мемуарах начальник личного штаба президента адмирал У. Леги чрезвычайно высоко оценивал действия Трумэна на конференции [Leahy, p. 428].

8 августа 1945 г., спустя два дня после атомной бомбардировки Хиросимы, СССР вступил в войну против Японии. Сразу после этого в США стали раздаваться призывы воспрепятствовать распространению влияния СССР на Восточную Азию. Как вспоминал Д. Раск, то, что Япония внезапно оказалась перед лицом военного поражения, побудило Госдепартамент и военные ведомства провести ряд срочных совещаний с целью подготовки инструкций, которые следовало бы дать главнокомандующему американскими войсками на Тихом океане генералу Д. Макартуру. На одном из таких собраний в ночь с 10 на 11 августа и была определена разграничительная линия между советскими и американскими войсками. В Госдепартаменте считали, что американская армия должна продвинуться как можно дальше на север, однако военные опасались, что факторы пространства и времени не позволят развить быстрое наступление до того, как подразделения РККА появятся на полуострове. В результате, было принято решение договориться с СССР о демаркационной линии. В этом качестве Госдепартаментом была предложена 38-я параллель. Она располагалась гораздо севернее крайней точки, до которой могли продвинуться войска США [FRUS, 1945, vol. 6, p. 1039]. Принимая решение о разграничении зон оккупации Кореи, американцы не консультировались ни с корейцами, ни с союзниками по антигитлеровской коалиции. Трумэн признавал, что «линия деления Кореи по 38-й

параллели никогда не была предметом международных дискуссий» [Truman, vol. 2, p. 317].

До полной и безоговорочной капитуляции противника власть в зонах ответственности должна была осуществляться военными администрациями союзников. В соответствии с устными договоренностями, достигнутыми на Ялтинской конференции, эти меры должны были подготовить почву для реализации плана по четырехсторонней опеке над Кореей под общим надзором со стороны Генеральной Ассамблеи ООН [FRUS, 1945, vol. 6, p. 1038]. 13 августа 1945 г. проект приказа, содержащий указанные положения, был одобрен президентом США. Получив его для ознакомления, ни СССР, ни Великобритания, ни гоминьдановский Китай не сделали ни одного замечания относительно его содержания. Д. Раск пишет, что он весьма удивился тому, что Советский Союз согласился с этим предложением [Ibid., p. 1039]. 14 августа 1945 г. приказ № 1 генерала Д. Макарура, определивший условия капитуляции Японии, официально зафиксировал разделение Кореи по 38-й параллели [Тихомиров, с. 14].

Таким образом, раздел Кореи на две оккупационные зоны стал свершившимся фактом. Это решение должно было стать первым шагом к практической реализации концепции опеки, заложив правовую основу для совместной оккупации полуострова СССР и США. Решение о разделе можно считать первым недружественным актом США в отношении СССР в рамках пока еще не оформившейся борьбы за влияние на полуострове. Как отмечает Б. Камингс, этим односторонним и поспешным решением американцы стремились ограничить советские запросы на полуострове [Cumings, 1997, p. 187; 2002, vol. 1, p. 115–116]. Однако, в силу слабой информированности Москвы о положении дел в Корее, этот шаг не был воспринят Кремлем как ущемление интересов СССР. Были и другие причины быстрого согласия на предложение американцев. Желание Москвы получить незамерзающий порт на Дальнем Востоке было удовлетворено признанием прав на Порт-Артур, и амбиции Кремля в тот момент не шли дальше нейтрализации Кореи и превращения ее в буферную зону, прикрывающую дальневосточную границу СССР от иностранного вторжения. Кроме того, именно в этот период Москва всерьез рассчитывала на участие в оккупации территории Японских островов, в частности, о. Хоккайдо [Лично и секретно...]. В этих условиях нежелание Кремля обострять отношения с США из-за корейского вопроса было вполне понятно.

И в Москве, и в Вашингтоне сложившееся положение дел представлялось временным. Оккупационные зоны должны были просуществовать до введения режима опеки. Механизм достижения этой цели планировалось разработать на Московском совещании министров иностранных дел в декабре 1945 г. 16 декабря 1945 г. это совещание начало свою работу. Американская сторона взяла на себя подготовку меморандума с конкретными предложениями по разрешению проблемы [АВПРФ, ф. 0430, оп. 1, п. 1, д. 1, л. 11–14].

Проект соглашения был готов к 17 декабря. Он предполагал два этапа создания корейского государства. На первом управление Кореей должны были

осуществлять военные администрации СССР и США, которым предстояло восстановить транспортное сообщение, ввести единую налоговую политику, решить проблему перемещенных лиц. Кроме того, американцы внесли предложение о создании объединенной администрации двух держав [FRUS, 1945, vol. 2, p. 619]. На втором предполагалось установление четырехстороннего управления на срок до 10 лет, которое должен был осуществлять специальный административный орган опеки, состоящий из представителей США, СССР, Великобритании и Китая. США получали преимущество, так как, согласно этому плану, они могли использовать британский и гоминьдановский голоса, что позволяло в течение длительного времени контролировать ситуацию в стране [Ки Кван Со, с. 98]. Как отмечает Пак Ки Чжун, в этом случае концепция опеки позволила бы американцам не взваливать на себя бремя обеспечения благосостояния корейского народа и уйти от прямого противостояния с СССР [Park Ki-June, p. 223–228].

Перед началом работы Московского совещания в Кремле рассматривали два возможных пути решения корейского вопроса в благоприятном для СССР ключе. Во-первых, просчитывались шансы на достижение соглашения с США и Китаем, однако в этом случае НКВД ожидал, что корейские правые националисты будут мешать реализации интересов Кремля. Альтернативным вариантом было проведение на полуострове всеобщих выборов. Именно этот путь признавался оптимальным. Для гарантии соблюдения интересов великих держав и решения текущих вопросов предлагалось создать Совместную советско-американскую комиссию, куда, при необходимости, можно было бы включить представителей Китая и Великобритании [АВПРФ, ф. 0102, оп. 1, п. 1, д. 9, л. 19–24]. При этом Москва, как и в годы Второй мировой войны, предпочла подготовить ответ на американский проект устройства Кореи.

Получив предложение делегации США, советская сторона взяла паузу, и 20 декабря выдвинула контрпредложения. Они содержали предложение о двустороннем советско-американском взаимодействии. В трактовке Кремля под опекой теперь подразумевалось разработка комплекса мер помощи и содействия прогрессу корейского народа, реализация которых должна была растянуться на срок до пяти лет [Ки Кван Со, с. 99–100].

Заключительный советский проект содержал четыре основные позиции: 1) в целях восстановления Кореи как независимого государства создается Временное корейское демократическое правительство, на которое будет возложено развитие экономики и культуры страны; 2) для содействия его образованию создается советско-американская совместная комиссия, чьи рекомендации сначала вносятся на обсуждение правительствам СССР, Великобритании, США и Китая, а затем передаются для принятия окончательного решения правительствам Советского Союза и Соединенных Штатов; 3) совместная комиссия разрабатывает меры помощи прогрессу корейского народа (опека), которая устанавливается на срок до пяти лет; 4) для рассмотрения срочных вопросов в двухнедельный срок созывается совещание из представителей советского и американского командования в Корее [Там же, с. 98–99].

Американцы поддержали советский проект. Решения совещания были опубликованы 28 декабря 1945 г. Раздел, касающийся Кореи, был полностью основан на проекте делегации СССР, за исключением пары незначительных технических замечаний. На данном этапе советско-американский диалог по поводу Кореи был еще конструктивным. Великие державы продемонстрировали способность договариваться даже на фоне наметившегося обострения двусторонних отношений. Так, СССР поддержал американскую идею опеки, а США согласились форсировать создание временного корейского правительства [Cumings, 2002, vol. 1, p. 217].

Диалог по корейскому вопросу развивался в отрыве от собственно Кореи и ее населения, чью реакцию на достигнутые договоренности партнеры по переговорам совершенно не учитывали. Так, правонационалистические партии выступили резко против Московских решений сразу после их публичного обнародования. Левые партии Юга Кореи также выступили в качестве организаторов протестных выступлений, однако вскоре перешли на позиции поддержки решений великих держав. По всей видимости, в Пхеньяне также не ожидали введения опеки в Корею. Ответственный секретарь Северокорейского оргбюро Компартии Кореи Ким Ир Сен в обращении к корейскому народу заявил, что «такое решение может более или менее противоречить нашему субъективному желанию» [Асмолов, гл. 2, с. 3]. Тем не менее, под давлением СССР северокорейские коммунисты согласились с решениями Московского совещания. Все это внесло значительный вклад в процесс поляризации политического спектра полуострова.

В условиях стремительного повышения уровня напряженности в советско-американских отношениях, растущей взаимоизоляции северной и южной оккупационных зон и резкой поляризации политического спектра Кореи, решения о разделе Кореи по 38-й параллели и об отсрочке в предоставлении корейскому народу независимости сформировали поле для игры, победитель которой смог бы определить будущее корейского государства.

Переход к прямой советско-американской конкуренции по корейскому вопросу происходил постепенно, а его динамика отличалась на различных уровнях диалога СССР и США. Государственным департаментом и НКВД (впоследствии — МИД) прорабатывались общие принципы сотрудничества в деле создания независимого корейского государства, а их реализация на практике и решение конкретных проблем межзонного взаимодействия были отданы оккупационным администрациям. Верховная власть на полуострове принадлежала командующим войсками стран-союзников — генералам Дж. Ходжу и И. М. Чистякову. Москве и Вашингтону долгое время удавалось достигать компромисса на высшем уровне, но их позиции серьезно различались на уровне оккупационных администраций.

Эти противоречия ярко проявились в ходе работы Совместной конференции представителей США и СССР в январе 1946 г. в Сеуле, призванной решить вопросы организации межзонного взаимодействия [Московское совещание...,

с. 10–11]. После длительных обсуждений было достигнуто компромиссное соглашение о порядке перемещения грузов и людей через 38-ю параллель, обмене почтой, по радиочастотам и другим спорным вопросам. Однако по ключевым проблемам снабжения электроэнергией, обмена товарами и взаиморасчетам никаких решений принято не было [FRUS, 1946, vol. 8, p. 634]. Вскоре граница между Севером и Югом была фактически закрыта. Советские власти не желали идти на серьезные интеграционные меры до принятия конкретных политических решений, что автоматически блокировало большинство американских инициатив в сфере экономики.

Судьба соглашений о будущем Кореи, принятых на Московской конференции в декабре 1945 г., решалась Совместной советско-американской комиссией, начало работы которой было запланировано на весну 1946 г. Документ, определяющий тактику делегации США в Совместной комиссии, был принят Межведомственным координационным комитетом Государственного, Военного и Военно-морского департаментов США 28 января 1946 г. В нем рекомендовалось учитывать позиции политических партий и движений Кореи. В случае возникновения непреодолимых разногласий с советскими делегатами по вопросу о порядке консультаций с корейскими партиями, командующему вооруженными силами США в Корее предписывалось создать при американской делегации консультативную группу, сформированную из их представителей. На случай возможных задержек с принятием окончательного решения по созданию корейского правительства американской делегации предлагалось внести в Совместную комиссию предложение о форсированной передаче корейцам административных полномочий, не дожидаясь завершения переговоров [Ibid., p. 623].

Инструкции для советской делегации в Совместной комиссии содержались в директиве, подписанной В. М. Молотовым 16 марта 1946 г. В этом документе отмечалось, что корейское правительство должно формироваться из членов общественных и политических организаций, лояльных союзникам, и не сотрудничавших с японскими оккупационными властями. Определялся желаемый порядок консультаций с демократическими партиями Кореи, предписывалось проводить их только с организациями, поддержавшими решения Московского совещания министров иностранных дел (а это были, как правило, партии левого толка). Советские делегаты получили инструкции отклонить планы экономического объединения страны и предложить использовать для обмена товарами механизм взаимного согласования поставок командованием оккупационных зон [Советско-американские отношения, с. 177–181].

Вопрос о консультациях с корейскими партиями неспроста поднимался и в советской, и в американской инструкциях. От того, какие партии и организации будут допущены к консультациям, зависело их участие в выборах, а значит, и вектор дальнейшего развития Кореи [Там же; FRUS, 1946, vol. 8, p. 623].

Советской делегации рекомендовалось максимально точно следовать решениям Московского совещания, используя их для отстранения антисоветски настроенных правых партий — противников опеки. В СССР понимали, что

нивелировать численный перевес избирателей американской оккупационной зоны можно, лишь искусственно увеличивая процент членов левых фракций среди представителей Юга. Одновременно представители США, стремясь не допустить такого развития событий, провозгласили себя защитниками интересов «притесняемых» СССР корейцев.

В итоге, и СССР, и США рассматривали решения Московского совещания не как конкретный план, подлежащий реализации, а как рамочный документ.

Работа Совместной советско-американской комиссии по образованию Временного Корейского демократического правительства началась 20 марта в Сеуле. Делегации СССР и США возглавляли генералы Штыков и Арнольд. Стороны не могли прийти к согласованному решению ни о принципах организации Временного правительства, ни о способах осуществления опеки над Кореей. После первых семи заседаний делегации сумели достичь согласия лишь по организационным вопросам. Основная дискуссия ожидаемо разгорелась вокруг вопроса о порядке консультаций с корейскими партиями и общественными организациями.

К 6 мая 1946 г. переговоры окончательно зашли в тупик. Американская делегация, считая, что дальнейшее обсуждение вопроса о создании корейского правительства бесперспективно, предложила перейти к проблемам экономического объединения Кореи и ликвидации границы по 38-й параллели. Советская делегация продолжала настаивать на первоочередности обсуждения темы формирования корейского правительства, мотивируя это тем, что именно ему придется заниматься хозяйственными проблемами. После отказа СССР от предложенной американцами новой повестки заседания Совместной комиссии были прекращены [FRUS, 1946, vol. 8, p. 665–667]. Как отмечалось в отчете политического советника Ходжа У. Лэнгдона, перерыв был на руку американской стороне, поскольку он способствовал снижению уровня влияния СССР на полуострове [CIA Records, 1946, May 19, p. 3].

Причины стагнации в работе Совместной комиссии весной 1946 г. стоит искать в том, что стороны заняли заведомо несовместимые позиции. Важно учитывать, что в 1946–1947 гг. в американском истеблишменте происходит формирование образа советской угрозы. На фоне усугубления противоречий между недавними союзниками поступающая из Северной Кореи информация начинала внушать Вашингтону существенные опасения [Implementation of soviet objectives in Korea. Secret, Intelligence Estimate, 1947, November 18, p. 3–4]. Угроза с севера в глазах американцев приобретала все более реальные очертания по мере поступления данных о подготовке хорошо обученной и оснащенной современным вооружением северокорейской армии.

Вопрос о том, насколько адекватными были представления американцев о ситуации севернее 38-й параллели, остается дискуссионным. Как бы то ни было, взгляд на внешнюю политику СССР через призму «красной опасности» заставлял американцев реагировать в том числе и на фантомные угрозы, что вносило вклад в нагнетание напряженности на полуострове. Искаженные

представления оказали существенное влияние на принимаемые Вашингтоном решения [подробнее см.: Садаков, 2015].

В начале 1947 г. СССР и США сохраняли заинтересованность в продолжении работы Совместной комиссии [FRUS, 1947, vol. 6, p. 669]. Первое после перерыва заседание Совместной комиссии состоялось 21 мая 1947 г. Окончательное решение по порядку консультаций с корейскими партиями было принято 7 июня. Оно базировалось на предложениях Молотова от 7 мая 1947 г. Крайним сроком подписания заявления о поддержке деятельности Совместной комиссии устанавливалось 23 июня. Кроме этого, от советской и американской делегаций требовалось вновь составить списки демократических партий и организаций на Севере и Юге соответственно [Ibid., p. 666, 668]. 11 июня было достигнуто соглашение о содержании и распространении вопросников для политических организаций северной и южной частей Кореи.

Сразу после подписания документа о порядке консультаций с корейскими партиями в Южной Корее возникло огромное количество разнообразных организаций, которые направляли заявления в Совместную комиссию. 25 июня было проведено первое заседание с участием представителей корейских партий. Практически сразу советской делегацией были выдвинуты требования об исключении из числа участников организаций неполитического или социального характера, местного масштаба и партий, организованных для борьбы с решениями Московского совещания министров иностранных дел. Позиция США заключалась в том, что единственным критерием отбора является подписание заявления о поддержке Московских решений [Ibid., p. 687].

В условиях дипломатического тупика СССР и США стали предпринимать попытки модернизировать ранее достигнутые соглашения. Обновленные американские предложения предусматривали снижение уровня участия СССР в корейских делах. 26 августа заместитель госсекретаря США Р. Ловетт направил на имя Молотова письмо с предложениями по Корее, смысл которых сводился к передаче корейского вопроса на рассмотрение четырех держав (СССР, США, Великобритания, Китай) и проведению отдельных выборов под наблюдением ООН в северной и южной частях Кореи с целью формирования единого законодательного органа. Кроме того, предлагалось согласовать сроки вывода из страны оккупационных сил [Советский Союз и корейский вопрос, с. 46–47].

При этом на севере и на юге полуострова избирательный процесс должен был регулироваться разными законами о выборах. Подготовка этих законов доверялась корейским представительным органам при советской и американской администрациях. Соотношение между количеством представителей Северной и Южной Кореи в будущем общенациональном законодательном органе должно было соответствовать соотношению численности населения советской и американской оккупационных зон [FRUS, 1947, vol. 6, p. 773–774]. Молотов отверг предложение американцев, сославшись на то, что Совместная комиссия не исчерпала своих возможностей, а проведение отдельных выборов неминуемо приведет к окончательному разделению Кореи [Советский Союз и корейский

вопрос, с. 50–51]. 24 сентября делегацией СССР было внесено предложение о предоставлении корейцам возможности самим определять будущее своего государства и о выводе советских и американских войск в 1948 г. [FRUS, 1947, vol. 6, p. 816].

В условиях заметного, с точки зрения американцев, преимущества северо-корейских властей в организации и военной силе, данный подход был неприемлем уже для Вашингтона. США стали склоняться к целесообразности передачи корейского вопроса на рассмотрение ООН [АВПРФ, ф. 102, оп. 7, п. 3, д. 2, л. 18].

После провала американской попытки конструирования коалиции умеренных правых и левых сил, компромисс между СССР и США стал недостижим. Последнее заседание Совместной комиссии состоялось 18 октября 1947 г. Обе стороны обвинили друг друга в срыве ее работы [Советский Союз и корейский вопрос, с. 69].

Следующий шаг был продуман американцами заранее — при ожидаемом отказе СССР сотрудничать в четырехстороннем формате судьбу Кореи было решено отдать в руки Генеральной Ассамблеи ООН, где американцы могли рассчитывать на преимущество при голосовании по любой проблеме. Поскольку данный вариант по определению был неприемлем для СССР, это решение неизбежно вело к расколу Кореи на два государства. Характерно, что в рассматриваемый период двусторонние советско-американские контакты по поводу Кореи оказались фактически заморожены, а основная дискуссия между ними развивалась в рамках ООН [подробнее см.: Садаков, 2017].

Используя свое влияние на большинство членов Генеральной Ассамблеи, американцы смогли придать легитимность своим планам, настояв на принятии резолюции от 14 ноября 1947 г. СССР ожидаемо отказался участвовать в работе Временной комиссии ООН по Корее, мотивировав это тем, что создание такого органа противоречит принципу национального самоопределения корейского народа. Отказ СССР от взаимодействия с комиссией ООН дал толчок протестам левых сил, которые требовали проведения всеобщих выборов и выступали против дальнейшего иностранного вмешательства в политические процессы на Корейском полуострове. Однако Вашингтон сумел нивелировать активность своих оппонентов и добиться проведения отдельных выборов на юге Кореи, которые состоялись 10 мая 1948 г. 15 августа 1948 г. было провозглашено создание независимой Республики Корея.

В целом, соглашения, достигнутые США и СССР в период 1943–1945 гг., олицетворением которых стали решения Московского совещания министров иностранных дел, имели шанс на практическую реализацию, на что рассчитывало руководство обеих сверхдержав. Однако в условиях зарождения холодной войны и стремительного падения уровня доверия недавних союзников друг к другу любой неоднозначный шаг Кремля и Вашингтона, как правило, трактовался партнером по переговорам как враждебный. Во избежание разногласий и сомнений в добросовестности Московские решения было необходимо выполнить как можно более точно. Это касалось в первую очередь пункта об опеке, призванного

гарантировать интересы обеих держав и буферизацию полуострова. Именно протесты против опеки стали основным препятствием на пути к достижению компромисса. Внутриполитический фактор стал той взрывоопасной средой, сопротивление которой великие державы, обладавшие всеми ключевыми рычагами влияния на ситуацию, так и не смогли преодолеть. Значительное воздействие внутриполитических обстоятельств на переговорный процесс было во многом плодом незнания сверхдержавами корейской специфики и отсутствия у них достаточно полной и точной информации для эффективного проведения в жизнь собственных решений. Из-за неравноценности оккупационных зон по численности населения, поляризации политического спектра полуострова, негибкости позиций США и СССР и общего ухудшения советско-американских отношений в условиях начала холодной войны поиск компромисса стал практически невозможным. Вашингтон встал на путь, ведущий к реализации принципиально нового сценария, который предусматривал формирование самостоятельного южнокорейского государства.

Источники

АВПРФ. Ф. 0102, 0430, 102.

Лично и секретно от премьера И. В. Сталина президенту Г. Трумэну. 16 августа 1945 года [Электронный ресурс]. URL: <http://doc20vek.ru/node/1330> (дата обращения: 19.10.2017).

Московское совещание министров иностранных дел Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства. М. : Госполитиздат, 1946.

Советский Союз и корейский вопрос. М. : Госполитиздат : ОГИЗ, 1948.

Советский союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Т. 4 : Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). М. : Политиздат, 1984.

Советско-американские отношения. 1945–1948. М. : МФД, 2004.

Central Intelligence Agency Records. 1946. May 19 [Electronic resource]. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP78-01617A005800020044-5.pdf> (дата обращения: 19.10.2017).

Forrestal J. The Forrestal diaries. New York : Viking Press, 1951.

FRUS. 1943. Conferences at Cairo and Tehran. Washington : Government printing office, 1961.

FRUS. 1945. Conferences at Malta and Yalta. Washington : Government printing office, 1961.

FRUS. 1945. The Conference of Berlin. Vol. 1. Washington : Government printing office, 1960; Vol. 2. Washington : Government printing office, 1960.

FRUS. 1945. Vol. 2. Washington : Government printing office, 1967; Vol. 6. Washington : Government printing office, 1969; 1946. Vol. 8. Washington : Government printing office, 1971; 1947. Vol. 6. Washington : Government printing office, 1972.

Implementation of soviet objectives in Korea. Secret, Intelligence Estimate. 1947. November 18 [Electronic resource]. URL: <https://search-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/dnsa/docview/1679147941/fulltextPDF/53F5C71C8F894DECPQ/2?accountid=108701> (registration is required; accessed: 19.10.2017).

Leahy W. I was there. The Personal Story of the Chief of Staff to President Roosevelt and Truman, based on his Notes and Diaries, made at the Time. New York : Gollancz, 1950.

Rhee E. Socialism in one zone: Stalin's policy in Korea. Amsterdam : Berg, 1988.

Truman H. S. Memoirs : in 2 vols. New York : Doubleday, 1955–1956. Vol. 1 : Year of Decisions. 1945. 1955. Vol. 2 : Years of Trial and Hope. 1956.

Исследования

Асмолов К. В. От Тэвонгуна до Сонгуна. Очерки социально-политической истории Кореи в новое и новейшее время. Ч. 2. *Рукопись*

Батюк В. И., Евстафьев Д. Г. Первые заморозки. Советско-американские отношения в 1945–1950 гг. М. : Рос. унив. изд-во, 1995.

Ванин Ю. В. Корейская война (1950–1953) и ООН. М. : Ин-т востоковедения РАН, 2006.

Ки Кван Со. Московское совещание министров иностранных дел (декабрь 1945 г.) и раскол Кореи // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 5. С. 97–108.

Садаков Д. А. Восприятие американцами советской политики в северной части корейского полуострова в 1945–1948 гг. // Вестн. Вят. гос. гуманитар. ун-та. 2015. № 8. С. 58–69.

Садаков Д. А. Фиксирование раскола Кореи американцами в 1948 г.: причины, методы и роль ООН // Корея перед новыми вызовами / отв. ред. А. З. Жебин. М. : Ин-т Дальнего Востока РАН, 2017. С. 196–209.

Тихомиров В. Д. Корейская проблема и международные факторы (1945 — нач. 80-х гг.). М. : Вост. лит., 1998.

Юнгблюд В. Т. Ф. Д. Рузвельт и У. Черчилль: два лидера в одной войне // Метаморфозы истории / отв. ред. В. Н. Гарбузов. Псков : Изд-во центра «Возрождение», 1997. С. 163–172.

Юнгблюд В. Т., Садаков Д. А. Концепция опеки Ф. Рузвельта и попытка ее практической реализации в Корею // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 5. С. 102–112.

Bok-ryong Shin. The decision process of the Trusteeship in Korea, 1945–1946: Focusing of the Change of US Ideas // Pacific focus. 2004. Vol. 19. № 1. P. 169–211.

Cumings B. Korea's place in the sun: A modern history. New York : W. W. Norton & Company, 1997.

Cumings B. The Origins of the Korean war : in 2 vols. Vol. 1 : Liberation and the Emergence of Separate Regimes, 1945–1947. Seoul : Yuksabipyungsa Press, 2002.

Matray J. The reluctant crusade. Honolulu : Univ. of Hawaii Press, 1985.

Matray J. Civil war of a sort. The International origins of the Korean Conflict // The Korean war in Retrospect: Lessons for the future / ed. D. Meador; J. Monroe. Lanham : Univ. Press of America, 1998. P. 3–37.

Park Ki-June. American foreign policy toward East Asia (China, Korea, and Japan) 1945–1949. Ph. D. Dissertation. Lawrence, 1988.

Pifer T. "I had always been opposed to colonialism": President Harry S. Truman and the end of European colonialism [Electronic resource]. URL: <http://ir.library.louisville.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2138&context=etd> (accessed: 19.10.2017).

References

Asmolv, K. V. (Manuscript). *Ot Tëvonguna do Songuna. Ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii Korei v novoe i noveishee vremia* [From Daewongun to Songun. Essays on the Socio-Political Modern and Contemporary History of Korea]. (In Russian)

Batyuk, V. I., & Evstafyev, V. I. (1995). *Pervye zamorozki. Sovetsko-amerikanskii otnosheniia v 1945–1950 gg.* [First Frosts. Soviet-American Relations in 1945–1950]. Moscow: Rossiiskoe universitetskoe izdatel'stvo. (In Russian)

Bok-ryong Shin (2004). The Decision Process of the Trusteeship in Korea, 1945–1946: Focusing of the Change of US Ideas. *Pacific focus*, XIX, 1, 169–211.

Cumings, B. (1997). *Korea's Place in the Sun: A Modern History*. New York: W. W. Norton & Company.

Cumings, B. (2002). *The Origins of the Korean War* (Vols. 1–2). (Vol. 1: *Liberation and the Emergence of Separate Regimes, 1945–1947*). Seoul: Yuksabipyungsa Press.

Ki Kvan So (1997). Moskovskoe soveshchanie ministrov inostrannykh del (dekabr' 1945 g.) i raskol Korei [Moscow Conference of Foreign Ministers (December 1945) and the Division of Korea]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 5, 97–108. (In Russian)

- Matray, J. (1985). *The Reluctant Crusade: American Foreign Policy in Korea, 1941–1950*. Honolulu: University of Hawaii Press.
- Matray, J. (1998). Civil War of a Sort. The International Origins of the Korean Conflict. In D. Meador, & J. Monroe (Eds.), *The Korean war in Retrospect: Lessons for the future* (pp. 3–37). Lanham: University Press of America.
- Park Ki-June (1988). *American Foreign Policy toward East Asia (China, Korea, and Japan) 1945–1949* (doctoral dissertation). Lawrence.
- Pifer, T. “*I had always been opposed to colonialism*”: President Harry S. Truman and the End of European Colonialism. Retrieved from <http://ir.library.louisville.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2138&context=etd>.
- Sadakov, D. A. (2015). Vospriatie amerikantsami sovetской politiki v severnoi chasti koreiskogo poluostrova v 1945–1948 gg. [American Perception of Soviet Foreign Policy in North Korea in 1945–1948]. *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 8, 58–69. (In Russian)
- Sadakov, D. A. (2017). Fiksirovanie raskola Korei amerikantsami v 1948 g.: prichiny, metody i rol' OON [Fixation of the Korean Division in 1948: American Reasons, Methods and Role of the UN]. In A. Z. Zhebin (Ed.), *Koreia pered novymi vyzovami* [Korea Facing New Challenges] (pp. 196–209). Moscow: Institut Dal'nego Vostoka RAN. (In Russian)
- Tikhomirov, V. D. (1998). *Koreiskaia problema i mezhdunarodnye faktory (1945 – nach. 80-kh gg.)*. [The Korean Issue and International Factors (1945–1980s)]. Moscow: Vostochnaia literatura. (In Russian)
- Vanin, Yu. V. (2006). *Koreiskaia voina (1950–1953) i OON* [The Korean War (1950–1953) and the UN]. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN. (In Russian)
- Yungblud, V. T. (1997). F. D. Ruzvel't i U. Cherrhill': dva lidera v odnoi voine [F. D. Roosevelt and W. Churchill: Two Leaders in One War]. In V. N. Garbuzov (Ed.), *Metamorfozy istorii* (pp. 163–172). Pskov: Izdatel'stvo tsentra “Vozrozhdenie”. (In Russian)
- Yungblud, V. T., & Sadakov, D. A. (2016). Kontseptsiiia opeki F. Ruzvel'ta i popytka ee prakticheskoi realizatsii v Koree [Franklin D. Roosevelt's Trusteeship Concept and Failure in its Implementation in Korea]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 5, 102–112. (In Russian)

Садаков Денис Андреевич

кандидат исторических наук,
ассистент кафедры всеобщей истории
и политических наук
Вятский государственный университет
610000, Киров, ул. Московская, 36
E-mail: rstk2005@gmail.com

Sadakov, Denis Andreevich

PhD (History), Teaching Assistant
Chair of World History and Political Sciences
Vyatka State University
36, Moskovskaya Str., 610000 Kirov, Russia
Email: rstk2005@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4308-7276